

предлогом *на* (ср. *на ту пору – в ту пору, принести на жертву – принести в жертву* и т.п.) или их фразеологизованным разграничением, а также некоторые другие. Когда все эти факторы объединились, появился оборот *себе на уме*, который сегодня уже не помнит, на какой ветке он вырос.

Примечания

- ¹ См. также: *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т. II. М., 2000, 574.
- ² Подробнее см.: *Пеньковский А.Б.* Из наблюдений над развитием и становлением лексико-семантических норм в одном синонимическом ряду наречий // *Норма в лексике и фразеологии* / Отв. ред. Л.И. Скворцов, Б.С. Шварцкопф. М., 1983.

М. Якубович

ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВАЦИИ В НАЗВАНИЯХ ЭМОЦИЙ

В настоящей статье рассматриваются типы семантической мотивации названий эмоций. Статья является частью более развернутого исследования, в котором предпринята попытка изучения источников разных видов мотиваций. Исследование проведено на материале славянских и неславянских языков. В настоящей статье проанализирована основная часть мотиваций – мотивации, связанные с физиологией человека.

1. Частым источником обозначений злости и гнева являются названия частей тела. Приведенные ниже слова базируются на названиях внутренних органов тела или на названиях субстанций, выделяемых этими внутренними органами.

Праслав. **sьrditi se* ‘сердиться’, производное от праслав. **sьrdь* ‘сердце’, к нему примыкает алб. *zemëroj* ‘сердиться’ от *zemër* ‘сердце’, последнее, однако, может быть семантической калькой с.-хорв. *srditi*.

Польск. *rozjuzyc się* ‘рассердиться’, производное от *jućha* ‘кровь’.

Праслав. **ętriti se* ‘растравлять, бередить, способствовать гноению’, перен. ‘сердиться’, производное от праслав. **ętro* ‘печень; внутренности’ < и.-е. **en-tro* ‘внутренности’ (*Słownik prasłowiański* VI, 102–103).

Лат. *stomachari* ‘досадовать, негодовать’, производное от *stomachus* ‘желудок’, перен. ‘дурное настроение, досада, раздражительность’.

Польск. *zotađkować się* ‘сердиться’, образованное от *zotađek* ‘желудок’, представляется семантической калькой с латинского оригинала.

Др.-греч. *χόλος, χολή* ‘желчь’, перен. ‘раздражение, злоба’, н.-греч. *χολιάζω* ‘вызывать гнев, огорчение’. Как возможная семантическая калька с греческого определяется лат. *cholera* ‘желчь’, ставшее источником романских слов, обозначающих ‘гнев’ (фран. *colère*, итал. *collera*, испан. и португ. *cólera*), ср. также англ. *gall* (первично ‘желчь’, потом ‘огорчение, обида’) и продолжения праслав. **žьlьčь* ‘желчь’, переносно ‘злость’ во всех славянских языках.

Англ. *spleen* ‘селезенка’, перен. ‘дурное настроение’, заимствованное из лат. *splēn* то же < др.-греч. *σπλήν* то же (Onions 855).

Можно думать, что первоначально эмоции считались следствием изменений, происходящих в определенных частях организма, а именно в сердце, в печени, в крови.

2. Другую группу составляют названия, основанные на внешних симптомах переживаемых эмоций.

Изменение цвета кожи стало основой лат. *pallere* ‘становиться бледным’, перен. ‘бояться, страшиться, тревожиться’, лат. *livere* ‘быть синеватым’, перен. ‘завидовать’, лат. *rubor* ‘красный цвет’, перен. ‘стыд, стыдливость’.

Трепет, дрожь, оцепенение стало основой семантической мотивации прежде всего обозначений страха, ужаса, беспокойства, волнения. Лексемы, обозначающие физиологическую реакцию, употребляются переносно как обозначения эмоций, напр. рус. *тrepетать*, польск. *drzeć* ‘дрожать’, с.-хорв. *jéziti* ‘содрогаться’, *strép(j)eti* ‘дрожать, цепенеть, деревенеть’, нем. *schauern* ‘дрожать, содрогаться’, франц. *trembler* ‘трястись, дрожать’, итальян. *tremare* с тем же значением. Для всех приведенных выше слов наряду с исконным значением характерно тоже значение ‘бояться, беспокоиться’, которое в современных языках может считаться основным.

Особенный интерес представляют слова, имеющие давнюю письменную традицию, что позволяет проследить все этапы семантического развития. В этом плане греческий и латинский языки дают самый надежный материал. Приведем некоторые примеры.

Др.-греч. *τρέμω* ‘дрожать, трястись от холода, от страха’, производное *τρόμος* ‘дрожать от страха’; н.-греч. *τρέμω* наряду с исконным значением ‘дрожать’ имеет значение ‘бояться’; в дериватах *τρόμαρα* ‘ужас, страх, испуг’, *τρομάζω* ‘страшить, пугать’ физиологическая семантика стёрлась;

Лат. *tremere* ‘дрожать, трепетать’; продолжения этого глагола во французском и итальянском языках (франц. *trembler* ‘трястись,

дрожать', итальян. *tremare* то же), помимо инновационной, сохранили первичную семантику; в дериватах, сложившихся на почве отдельных языков первичная семантика утрачена, ср. итальян. *tremarella* 'опасение, тревога'. По мнению некоторых этимологов (Bloch–Wartburg 164), франц. *craindre* (< др.-франц. *criembre*) 'бояться' восходит к реконструированному галльск.-роман. **cremere*, которое считается дублетом лат. *tremere*. Последнее, заимствованное в албанский, стало источником гл. *tremb* 'бояться, испугаться, беспокоиться' (Meyer 436).

Как физиологические, так и эмоциональные значения можно найти также в лексическом гнезде, к которому принадлежит лат. *pavor* 'страх, ужас': *pavitare* 'дрожать; лихорадить', 'бояться', *paveo* 'дрожать, бояться'. Это гнездо является источником обозначений страха в романских языках (франц. *peur*, исп. *pavor*, ср. итальян. *paura*). Однако допускается возможность и другого направления семантического развития. По данным "Этимологического словаря латинского языка" (Walde–Hofmann II 266), приведенные глаголы восходят к лат. *pavire* 'ударять, утаптывать, утрамбовывать'. Не исключено, что названными действиями, вызывающими состояние дрожи, непосредственно мотивированы значения 'пугаться', но при этом вполне допустим переход значений 'вызывать дрожь' и 'дрожать' > 'пугать' и 'пугаться'.

На основе сравнительно-сопоставительного анализа удастся выявить сходные мотивации в языках с более поздней письменной фиксацией, ср. гот. *af-slaupþjan* 'пугать', для которого принимается родство с нем. *schlottern* 'трясти, дрожать' (Feist 9–10, Kluge²³ 729).

Кроме слов, происхождение которых не вызывает серьезных сомнений, в этимологической литературе, затрагивающей вопросы происхождения названий чувств, можно встретить гипотезы, основанные на сравнениях с иноязычными эквивалентами. В этом отношении показательны следующие примеры.

Лат. *terrere* 'устрашать, пугать, приводить в ужас', с точки зрения словаря Вальде–Хофманна (Walde–Hofmann II, 674–675), основано на и.-е. **teres-* 'дрожать' (ср. др.-инд. *trasati*, др.-греч. *τρέω*).

Др.-норв. *hraeddr* 'пугать' продолжает и.-е. корень **kret-* 'трясти' (Falk–Torp 928). В данном случае в качестве первоначального восстанавливается значение 'приводить в дрожь'.

Др.-греч. глагол *φρίσσω* со значением 'подниматься дыбом, щетиниться, быть шероховатым, ерошить, топорщить, иметь гусиную кожу, дрожать, трепетать, содрогаться', производное существительное *φρίξ*, -μός 'дрожь, волнение, рябь, зыбь', н.-греч. *φρίσσω* со значением 'дрожать' (особенно от страха); существительное *φρίξη* – 'дрожь, озноб, содрогание, ужас'. Фиксируются также существительные, заимствованные без первичной физиологической семантики в другие языки (алб. *frikë* 'беспокойство, страх', рум. *frică* 'страх').

Лат. *horrere* характеризуют значения ‘щетиниться, вставить дыбом, коченеть’ и ‘приходить в ужас, бояться, страшиться’, в романских языках продолжения лат. *horror* (франц. *horreur*, итальян. *orrore*, исп. *horror*) обозначают страх, ужас, отвращение. С тем же латинским глаголом связаны и названия ненависти. По мнению Чоранеску (Cioreanescu 877), лат. *horrere* является источником рум. *urî* ‘ненавидеть’ и алб. заимствования *urrej* то же (ср. Meyer 459). Иного мнения Чабей: источником могло быть не латинское слово, а алб. *urrej* (Çabej II, 485).

Почти все из приведенных выше названий относятся к проявлениям чувства страха, ужаса, беспокойства. Реже встречаются обозначения других эмоций, мотивированные физиологической лексикой. Удивляет почти полное отсутствие названий отвращения, которые были бы мотивированы словами со значением ‘дрожь, озноб; оцепенение, окоченение’, хотя состояние отвращения может сопровождаться теми же физиологическими реакциями.

Внешне не так заметны сопутствующие эмоциям симптомы напряжения мускулов. Основанные на этих симптомах названия чувств составляют менее компактную группу. Диапазон эмоций здесь шире, чем в рассмотренной выше группе.

Состояние, связанное с напряжением мускулов, стимулировало переносное употребление таких названий, как рус. *напряжение* и польск. *napięcie* от *napiąć* ‘натянуть’. Эмоциональное значение вторично по отношению к физическому.

Представляется, что ту же мотивацию имеет словен. *togóta* ‘вспыльчивость, ярость, бешенство’, производное от прилагательного *tôg* < праслав. **togъ* ‘твердый, натянутый’. В словенских диалектах это слово имеет значение ‘болезнь у домашних животных, похожая на эпилепсию’ (Pleteršnik II, 673). Хотя с праслав. **tog-* связаны названия и других эмоций (словен. *tóga*, рус. *туга*, болг. *тъга* ‘печаль’), представляется вполне вероятным независимое развитие семантической деривации в словенском языке.

Хотелось бы упомянуть и швед. *fasa* ‘испуг’, которое кажется связанным с дат. диал. *fas* ‘судорога, спазм, схватка’. Автор “Этимологического словаря шведского языка” (Hellquist 201) толкует шведское слово в связи с др.-дат. *fas* ‘атака’. Вполне допустимо предположение о промежуточной ступени ‘припадок, приступ’ в семантической эволюции слова.

Возвращаясь к рассмотренной выше группе мотиваций, связанных с дрожью, кажется оправданным включить сюда и названия, основанные на обозначениях холода. Как известно, понижение температуры тела вызывает физиологические реакции, характерные для некоторых эмоций, прежде всего мы имеем в виду дрожь. В этом нас убеждает и анализ фразеологических сочетаний. Однако следует за-

метить, что в этой группе при казалось бы ожидаемой мотивации названий страха семантикой холода все же преобладают названия других эмоций и прежде всего названия отвращения.

Весьма примечательны продолжения праслав. глаголов **myrzěti*, **myrziti* и **myrznqti* и дериваты от этих продолжений. Первичным для этих глаголов, связанных чередованием гласных с **morzъ* 'мороз' (ср. ЭССЯ 21, 159–166), обычно считается значение 'мерзнуть'. Продолжения инхотатива **myrzn qti* относятся прежде всего к физическому ощущению холода, продолжения **myrzěti*, **myrziti* – к эмоциям отвращения, ненависти или антипатии. При сравнении продолжений этих глаголов в разных славянских языках обнаруживается, что значение 'отвращение' появилось ранее других зафиксированных эмоциональных значений.

Подобное семантическое развитие наблюдается и в др.-греч. στύξ 'проникающий холод; ненависть, отвращение', ср. производные στύχος 'ненависть', στύγῳ 'чувствовать отвращение, ненависть', у которых значения 'холод', 'чувствовать холод' уже не встречаются.

Словен. *stud* 'отвращение' < праслав. **studъ* на фоне других продолжений праславянского имени, обозначающих чувство стыда, является собственно словенской семантической инновацией. Замстим, что праслав. **studъ* этимологически связано с вышеупомянутым др.-греч. στύξ.

Холод как мотивация чувства страха находит отражение в с.-хорв. *zebъna* 'беспокойство', производном от *zепсти* 'чувствовать холод', перен. 'чувствовать страх'.

Несколько загадочной выглядит мотивация холодом в случае праслав. **stydzъ*: **studъ* 'стыд', которое, как сказано выше, продолжает и.-е. корень *stoud-*. Такая семантическая мотивация удивляет потому, что в данном случае не наблюдается реакций, свойственных проявлению холода. Характерная реакция – покраснение, появление румянца, вызванное расширением кровеносных сосудов – ассоциируется больше с повышенной, чем с пониженной температурой тела. Таковую же мотивировку наблюдаем в исп. *bochorno* с основным значением 'жара, духота, румянец', употребляемом переносно в качестве названия стыда. За отсутствием более убедительного объяснения полагаем, что название **stydzъ*, **studъ* основано на вторичном явлении, связанном с чувством стыда, – на чувстве оцепенения. В отличие от покраснения, которое нельзя скрыть от глаз наблюдателя, возникающее при эмоции стыда ощущение оцепенения кажется внутренним, ощутимым только лицом, испытывающим данную эмоцию. В пользу этого объяснения говорят названия близкого стыду чувства стеснения, смущения, которое часто мотивировано такими понятиями, как 'связывать, стеснять', подразумевающими ощущение оцепенения.

Вполне понятна и очевидна мотивация рум. *ruşine* ‘стыд’, связанного с *roşi* ‘красный’ или лат. *rubor* ‘красный цвет, румянец’, переносно ‘стыд’, а также исп. *rubor* с тем же значением.

Покраснение лица стало мотивацией не только для обозначения чувства стыда. В литовском языке представлен гл. *rusti* ‘сердиться, рыдать’, производный от прилаг. *rudas* ‘рыжий’. Кажется несомненным, что название мотивировано покраснением, которое появляется во время плача или гневного возбуждения. Другие названия основаны на таких органических явлениях, как ускоренное дыхание, одышка. Именно поэтому др.-греч. $\theta\upsilon\mu\acute{o}\varsigma$ ‘дыхание’ переносно обозначало гнев. Аналогичные отношения характеризуют алб. *dif* ‘гнев, ярость’, восходящее к с.-хорв. *дух* ‘дыхание’, лтш. *dusmas* ‘гнев’, производное от *dust* ‘тяжело дышать’.

Для чувства гнева характерны мотивации, которые в когнитивной литературе обычно рассматриваются как результат метафорического употребления названия сосуда. Сущность метафоры в том, что тело человека представляется как сосуд, а испытываемые телом эмоции как кипящая жидкость, которая ищет выхода из сосуда.

С нашей точки зрения, такое понимание мотивировано повышением кровяного давления в состоянии сильного гнева. Повышенное давление крови вызывает чувство внутреннего нажима. Именно этим объясняется и тот факт, что мотивация многих названий базируется на глагольной семантике ‘подниматься вверх, кипеть, бродить’, ‘разбухать, надуваться’, ‘не помещаться в чем-нибудь; выходить из чего-нибудь’. Подтверждением чему могут служить следующие примеры.

Польск. *wzburzać się* ‘подниматься, кипеть’, ‘волноваться, возмущаться’, др.-греч. $\acute{\alpha}\gamma\alpha\upsilon\alpha\eta\tau\acute{\epsilon}\omega$ ‘бродить (о вине)’, перен. ‘сердиться, возмущаться, волноваться; горевать, сетовать’, чеш. *nakvašovat se* ‘ферментировать, бродить’, перен. ‘сердиться, беситься’.

Др.-греч. $\delta\rho\upsilon\acute{\alpha}\omega$ ‘разбухать, становиться зрелым’, перен. ‘быть охваченным страстью’, отсюда $\delta\rho\upsilon\acute{\eta}$ ‘темперамент, страсть, гнев, возмущение’.

Словац. *fúkat* ‘дуть’, *fúkat* *sa* ‘надуваться’, перен. ‘сердиться, возмущаться; кичиться, чваниться’, англ. *huff* ‘сердить, раздражать’, относимые к глаголам звукоподражательного происхождения с восстанавливаемым исходным значением ‘дуть, надувать’ (Onions 451), ср. также рус. *дуться*, с.-хорв. *дурити се* ‘дуться’. Заметим, что для глаголов со значением ‘дуть’ можно допустить и другой вид мотивации – внешний вид надувающего щеки человека.

Из сравнительного анализа родственных языков, а в случае с албанским диалектом, можно извлечь следующие примеры.

Польск. *wściekać się* ‘бесноваться’ из праслав. **vъz-tekti*, для которого реконструируется значение ‘подниматься вверх’.

Праслав. **duriti se* ‘подниматься вверх, кипеть’: словац. *durit' sa* ‘сердиться’, с.-хорв. *durumu se* ‘надуваться’, польск. *durzyć się* ‘быть влюбленным’.

Алб. гег. *mleff* < *mlle* ‘ярость, бешенство, злость’ тождественно диал. тоск. *mëllë* ‘вздутие, опухоль’ (Çabej 1, 352–3), что дает основание предположить, что значение гегского варианта вторично.

Нидерл. *verbolgen* ‘раздраженный, негодующий’ от **belgen* < прагерм. **belg-a* ‘разбухать, вздуваться’ (Franck 30).

Если исходить из данных последнего издания “Этимологического словаря немецкого языка”, то нем. *Wut*, др.-в.-нем. *wuot* ‘ярость’ восходят к и.-е. **wat-* ‘дуть, раздувать’, что дает основание думать, что ту же мотивацию имеет германское название ярости (Kluge²³ 900).

Приведенные примеры имеют иную природу и тем самым отличаются по своей природе от примеров, рассмотренных в связи с лексикой, выражающей чувство страха. Названия страха мотивированы обозначениями внешних реакций, заметных окружающим, таких, как дрожь, гусиная кожа и др. В случае гнева имеем дело с внутренней реакцией, ощутимой в основном тем лицом, которое является субъектом эмоции. Внешние признаки гнева, напр. покраснение лица, редко выступают в качестве мотивирующих. Тем не менее список может быть расширен, если привлечь и названия, основанные на значениях ‘гореть, пылать’. Ср.:

кашуб. *gořec sq* ‘сердиться’ < праслав. **goriti se* ‘гореть, пылать’ и восходящее к тому же глаголу с расширением суф. *-l-* чеш. *horlit se* ‘возмущаться, сердиться’;

польск. *zaperzać się* ‘сердиться’, связанное с *perzyna* (ст.-польск. *pyrzyna*) ‘пепелище’, и в.-луж. *pyrić so* ‘пылать, дымиться, куриться’, перен. ‘пылать от гнева, сердиться’ являются продолжениями праслав. **pyrěti* ‘пылать’, основанного на и.-е. **peuōr-/*pūr-/*pūr-* ‘огонь’ (Pokorny I, 828).

Нельзя не упомянуть здесь и гипотезу о генетической связи праслав. **gněvъ* с гл. **gnětiti* ‘разжигать’ (Słownik prasłowiański VII, 176–179). Но, как известно, существуют и другие точки зрения на происхождение основного обозначения гнева в славянских языках (ср. Sławski I, 304; ЭССЯ 6, 168–170).

Несмотря на то, что представленные выше примеры составляют очень разнообразную картину, кажется вполне справедливым мнение, согласно которому физиология человека является основной мотивационной базой эмоциональной лексики. Следует подчеркнуть тот факт, что именно так образованы названия эмоций, определяемые психологами как начальные, свойственные людям на каждом этапе развития, среди них первое место занимают страх и гнев.